

**DOEMES ET TEXTES DE NOS MEMBRES BONNE
LECTURE ET PARTAGE**

ERNESTO KAHAN* ISRAËL

ENTRE EL GRITO Y EL SILENCIO

Estoy cansado y viejo. El cuerpo me duele y apenas puedo caminar; pero no es eso lo que más pesa. Lo más hondo es otra fatiga: la de no tener ya fuerzas para discutir ni para soportar que tantos amigos íntimos, tantos compañeros de ruta en una misma ideología, no me entiendan y me abandonen.

A veces siento que habito una escena imposible: como si estuviera en un campo de muerte nazi y, en medio de la Segunda Guerra Mundial, recibiera cartas que rezan por ambos bandos —por los Aliados y por el Eje nazi-fascista racista—, como si la simetría fuera una forma de justicia y no una renuncia al juicio. Y entonces la sensación se vuelve más dura: la de que gran parte del mundo me acusa, simplemente, por existir.

Hoy los bandos no son abstractos. Por un lado, el fanatismo religioso de los ayatolás y sus cómplices: un poder que no vacila en sacrificar a su propia población en nombre del odio y del interés; que puede asesinar, en cuestión de horas, a miles de manifestantes desarmados en Irán, Gaza, Sudán o Yemen; que quema, viola, degrada, convierte la vida en instrumento y la muerte en mensaje; que dispara, deliberadamente, hacia donde sabe que viven civiles.

Del otro lado, fuerzas de defensa que, con todos los límites de la guerra, procuran evitar a la población civil. Eso no es una consigna: está documentado.

Hace poco escribí un poema contra la indiferencia, contra ese hábito de mirar hacia otro lado. Lo envié a cientos de personas con quienes compartí durante años una dedicación absoluta a los derechos humanos y a la paz —porque el primero de todos los derechos es el de vivir—. La respuesta fue mínima: apenas el eco de unos pocos, contables con los dedos de una mano.

Estoy cansado. A veces desearía desaparecer. Pero no tengo el coraje trágico de Stefan Zweig para quitarme la vida ante la desilusión social. La mía ha sido una vida orientada a salvar: a resistir dictaduras, a huir del exilio impuesto, a advertir contra las armas genocidas —atómicas, químicas, biológicas— sin distinguir razas, sexos, etnias, nacionalidades o religiones, como exige el Juramento Hipocrático.

Y, sin embargo, hoy veo cómo muchos de quienes compartían ese compromiso lo condicionan: lo restringen, lo aplican selectivamente. Excluyen —explícita o implícitamente— a los judíos o a determinadas nacionalidades, mientras continúan llamándose progresistas. Esa fractura moral es, quizá, lo que más duele.

Miro hacia atrás y reconozco otra deuda: mi familia y mis afectos quedaron, demasiadas veces, en un segundo plano. A ellos les pido perdón.

Ahora solo me queda un retiro silencioso: un espacio para pensar, para llorar, para intentar comprender en qué momento la conciencia colectiva comenzó a aceptar el silencio como si fuera una forma de paz.

ERNESTO KAHAN* ISRAËL

ENTRE LE CRI ET LE SILENCE

Je suis fatigué et vieux. Mon corps me fait souffrir et je marche à peine ; mais ce n'est pas le fardeau le plus lourd. La lassitude la plus profonde est d'une autre nature : celle de ne plus avoir la force de discuter ni de supporter que tant d'amis proches, tant de compagnons de route partageant la même idéologie, ne me comprennent pas et m'abandonnent. Parfois, j'ai l'impression d'habiter une scène impossible : comme si j'étais dans un camp de concentration nazi et que, au beau milieu de la Seconde Guerre mondiale, je recevais des lettres qui prient pour les deux camps – pour les Alliés et pour l'Axe raciste nazi-fasciste – comme si la symétrie était une forme de justice et non un renoncement au jugement.

Et alors, le sentiment s'intensifie : qu'une grande partie du monde m'accuse, tout simplement, d'exister. Aujourd'hui, les camps ne sont plus abstraits. D'un côté, le fanatisme religieux des ayatollahs et de leurs complices : une puissance qui n'hésite pas à sacrifier sa propre population au nom de la haine et de l'intérêt personnel ; qui peut assassiner, en quelques heures, des milliers de manifestants non armés en Iran, à Gaza, au Soudan ou au Yémen ; qui brûle, viole, dégrade, instrumentalise la vie et fait de la mort un message ; qui tire délibérément sur des civils.

De l'autre côté, des forces de défense qui, malgré les contraintes de la guerre, s'efforcent d'éviter la population civile. Ce n'est pas qu'un slogan : c'est un fait avéré. J'ai récemment écrit un poème contre l'indifférence, contre cette habitude de détourner le regard. Je l'ai envoyé à des centaines de personnes avec lesquelles je partage depuis des années un engagement absolu pour les droits humains et la paix – car le premier de tous les droits est le droit à la vie. La réponse fut minime : à peine l'écho de quelques-uns, comptés sur les doigts d'une main.

Je suis las. Parfois, je voudrais disparaître. Mais je n'ai pas le courage tragique de Stefan Zweig de me donner la mort face à la désillusion sociale. Ma vie a été consacrée à sauver des vies : résister aux dictatures, fuir l'exil imposé, mettre en garde contre les armes génocidaires – atomiques, chimiques, biologiques – sans distinction de race, de sexe, d'origine ethnique, de nationalité ou de religion, comme l'exige le serment d'Hippocrate. Et pourtant, aujourd'hui, je vois combien de ceux qui partageaient cet engagement le conditionnent : ils le restreignent, ils l'appliquent de manière sélective. Ils excluent – explicitement ou implicitement – les Juifs ou certaines nationalités, tout en continuant de se dire progressistes.

Cette fracture morale est peut-être ce qui fait le plus mal. Je me retourne et reconnais une autre dette : ma famille et mes proches ont été, trop souvent, relégués au second plan. Je leur demande pardon. Il ne me reste plus qu'une retraite silencieuse : un espace pour penser, pleurer, pour essayer de comprendre quand la conscience collective a commencé à accepter le silence comme une forme de paix.

ERNESTO KAHAN, ISRAEL

BETWEEN THE CRY AND THE SILENCE

I am tired and old. My body aches, and I can barely walk; but this is not the heaviest burden. The deepest weariness is of another kind: the weariness of no longer having the strength to argue or to bear that so many close friends, so many fellow travelers sharing the same ideology, do not understand me and have abandoned me.

Sometimes, I feel as if I are inhabiting an impossible scene: as if I were in a Nazi concentration camp and, in the midst of the Second World War, I were receiving letters that pray for both sides—for the Allies and for the racist Nazi-Fascist Axis—as if symmetry were a form of justice and not a renunciation of judgment. And then, the feeling intensifies: that a large part of the world is simply accusing me of existing. Today, the camps are no longer abstract.

On one side, the religious fanaticism of the ayatollahs and their accomplices: a power that does not hesitate to sacrifice its own population in the name of hatred and self-interest; that can murder thousands of unarmed demonstrators in a matter of hours in Iran, Gaza, Sudan, or Yemen; that burns, rapes, degrades, instrumentalizes life, and makes death a message; that deliberately fires on civilians. On the other side, defense forces that, despite the constraints of war, strive to avoid the civilian population. This is not just a slogan: it is a proven fact.

I recently wrote a poem against indifference, against this habit of looking away. I sent it to hundreds of people with whom I have shared for years an absolute commitment to human rights and peace—because the first of all rights is the right to life. The response was minimal: barely an echo from a handful, countable on the fingers of one hand. I am weary. Sometimes I wish I could disappear.

But I lack Stefan Zweig's tragic courage to take my own life in the face of social disillusionment. My life has been dedicated to saving lives: resisting dictatorships, fleeing forced exile, warning against genocidal weapons—atomic, chemical, biological—without distinction of race, sex, ethnic origin, nationality, or religion, as required by the Hippocratic Oath.

And yet, today, I see how many of those who once shared this commitment are now conditioning it: restricting it, applying it selectively. They exclude—explicitly or implicitly—Jews or certain nationalities, all while continuing to call themselves progressives. This moral fracture is perhaps what hurts the most.

I turn around and acknowledge another debt: my family and loved ones have, too often, been relegated to the background. I ask their forgiveness.

All that remains for me is a silent retreat: a space to think, to weep, to try to understand when the collective consciousness began to accept silence as a form of peace.

ERNESTO KAHAN, ISRAEL

ENTRE O CHORO E O SILÊNCIO

Estou cansado e velho. Meu corpo dói e mal consigo andar; mas este não é o fardo mais pesado. O cansaço mais profundo é de outra natureza: o cansaço de não ter mais forças para argumentar ou suportar que tantos amigos próximos, tantos companheiros de jornada que compartilham a mesma ideologia, não me entendam e me tenham abandonado.

Às vezes, sinto como se estivesse vivendo uma cena impossível: como se estivesse em um campo de concentração nazista e, em plena Segunda Guerra Mundial, recebesse cartas que oravam por ambos os lados — pelos Aliados e pelo Eixo nazista-fascista racista — como se a simetria fosse uma forma de justiça e não uma renúncia ao julgamento. E então, a sensação se intensifica: a de que grande parte do mundo simplesmente me acusa de existir. Hoje, os campos não são mais abstratos.

De um lado, o fanatismo religioso dos aiatolás e seus cúmplices: um poder que não hesita em sacrificar sua própria população em nome do ódio e do interesse próprio; que pode assassinar milhares de manifestantes desarmados em questão de horas no Irã, em Gaza, no Sudão ou no Iêmen; que queima, estupra, degrada, instrumentaliza a vida e faz da morte uma mensagem; que atira deliberadamente contra civis.

Do outro lado, as forças de defesa que, apesar das restrições da guerra, se esforçam para evitar a população civil. Isso não é apenas um slogan: é um fato comprovado. Recentemente, escrevi um poema contra a indiferença, contra esse hábito de desviar o olhar.

Enviei-o a centenas de pessoas com quem compartilho há anos um compromisso absoluto com os direitos humanos e a paz — porque o primeiro de todos os direitos é o direito à vida. A resposta foi mínima: um mero eco de um punhado de pessoas, contáveis nos dedos de uma mão. Estou cansado.

Às vezes, gostaria de desaparecer. Mas me falta a trágica coragem de Stefan Zweig para tirar a própria vida diante da desilusão social. Minha vida foi dedicada a salvar vidas: resistindo a ditaduras, fugindo do exílio forçado, alertando contra armas genocidas — atômicas, químicas, biológicas — sem distinção de raça, sexo, origem étnica, nacionalidade ou religião, como exige o Juramento de Hipócrates.

Е, no entanto, hoje, vejo como muitos daqueles que outrora compartilharam esse compromisso agora o condicionam: restringindo-o, aplicando-o seletivamente. Excluem — explícita ou implicitamente — judeus ou certas nacionalidades, enquanto continuam a se autodenominar progressistas.

Essa fratura moral é talvez o que mais dói. Volto-me e reconheço outra dívida: minha família e meus entes queridos foram, com muita frequência, relegados a segundo plano. Peço-lhes perdão.

Tudo o que me resta é um retiro silencioso: um espaço para pensar, para chorar, para tentar compreender quando a consciência coletiva começou a aceitar o silêncio como uma forma de paz.

Эрнесто Кахан, Израиль

МЕЖДУ КРИЧАНИЕМ И МОЛЧАНИЕМ

Я устал и стар. У меня болит тело, и я едва могу ходить; но это не самое тяжелое бремя. Глубочайшая усталость другого рода: усталость от того, что у меня больше нет сил спорить или терпеть то, что так много близких друзей, так много попутчиков, разделяющих ту же идеологию, не понимают меня и бросили меня. Иногда мне кажется, что я нахожусь в невыносимой обстановке: как будто я в нацистском концлагере и посреди Второй мировой войны получаю письма с молитвами за обе стороны — за союзников и за расистскую нацистско-фашистскую ось — как будто симметрия является формой справедливости, а не отказом от осуждения.

И тогда чувство усиливается: большая часть мира просто обвиняет меня в том, что я существую. Сегодня лагеря уже не абстрактны. С одной стороны — религиозный фанатизм аятолл и их сообщников: власть, которая без колебаний жертвует собственным населением во имя ненависти и корысти; которая может убить тысячи безоружных демонстрантов за считанные часы в Иране, Газе, Судане или Йемене; которая сжигает, насилует, унижает, использует жизнь в своих целях и превращает смерть в послание; которая намеренно стреляет по мирным жителям.

С другой стороны — силы обороны, которые, несмотря на ограничения войны, стремятся избежать гражданского населения. Это не просто лозунг: это доказанный факт. Недавно я написал стихотворение против безразличия, против этой привычки отворачиваться.

Я отправил его сотням людей, с которыми меня годами связывает абсолютная приверженность правам человека и миру — потому что первое из всех прав — это право на жизнь. Отклик был минимальным: едва слышный отголосок от горстки людей, которых можно пересчитать по пальцам одной руки. Я устал. Иногда мне хочется просто исчезнуть.

Но мне не хватает трагической смелости Стефана Цвейга, чтобы покончить с собой перед лицом социального разочарования. Моя жизнь была посвящена спасению жизней: сопротивлению диктатурам, бегству от вынужденной ссылки, предупреждению о геноцидном оружии — атомном, химическом, биологическом — без различия расы, пола, этнического происхождения, национальности или религии, как того требует клятва Гиппократ. И все же сегодня я вижу, как многие из тех, кто когда-то разделял эту приверженность, теперь обуславливают её: ограничивают, применяют избирательно.

Они исключают — явно или неявно — евреев или определенные национальности, продолжая при этом называть себя прогрессистами. Этот моральный раскол, пожалуй, причиняет наибольшую боль. Я оборачиваюсь и признаю ещё один долг: моя семья и близкие слишком часто оставались на заднем плане. Я прошу у них прощения.

Всё, что мне остаётся, — это молчаливое уединение: место для размышлений, для слёз, для попыток понять, когда коллективное сознание начало принимать молчание как форму мира.